

Вторник, 26 июля 1994 года

Век. Москва. - С.5

После нового романа

— Евгений Александрович, помнит ли корифей, за плечами которого не один успех, свою первую публикацию?

— Первая публикация у меня была в газете. (Кстати, «Вечерка» печатала меня с 15 лет). А тогда — 2 июня 49-го года «Советский спорт» поместил первые мои стихи. В то время эта редакция находилась на Лубянке, и я, принося стихи, несколько раз видел Берию, подъезжавшего в черном бронированном «ЗИСе». Однажды — возможно, мне только показалось — он посмотрел именно на меня. И от этого взгляда морозец пошел по коже. Глядели ястребиные глаза; крючковатый нос, всегда поднятый воротник. А я был мальчик в голубенькой маечке, в кедах баскетбольных, с тетрадкой стихов...

— И вот новый роман. Что в нем... нового для вас?

— Я никогда в жизни не написал ничего более исповедального. Это интимная исповедь. И политическая исповедь.

Так же тут есть элементы и детектива, и исторического романа, и футбольного романа. Но кроме того — все очень автобиографично. Даже мой персонаж, футболист Залызин — это в какой-то степени я. Он слеплен, правда, из нескольких любимых мною футболистов эпохи Боброва, но детство там, конечно, мое. И одну свою любовь я ему доверил.

— Но другие любви вы оставили себе...

— Да, я откровенно рассказал про свою личную жизнь. Написал историю своих четырех жен, о своих разводах. Почему? Потому что всех этих женщин я любил и люблю. И, слава Богу, что у нас остались хорошие, человеческие отношения. Ведь страшно, когда любовь перерождается в гражданскую войну между людьми, которые любили друг друга.

— Однако, не любовью единой... Роман ево пропитан, но не раз на его страницах звучит восклицание: «О, эпоха — мать уродов!» Что это за уроды, когда началась эта эпоха, реально ли избавление от них?

— В чем была, я думаю, основная ошибка марксизма? В том, что считалось, будто человека можно усовершенствовать до идеала. Причем насильно. А человек — обречен на несовершенство. Не надо ставить перед собой невыполнимую задачу: мы никогда не будем окружены гениями, никогда не будут все люди с чистой совестью. Но надо стараться не дать человеку стать хуже. И вот лично мне кажется, что не будь искусства, литературы, человечество потеряло бы остатки того, что мешало одним людям шагать через других.

— Совесть в эпоху уродов или уроды в эпоху совести — как знать, что жизнеподобнее, что вероятнее...

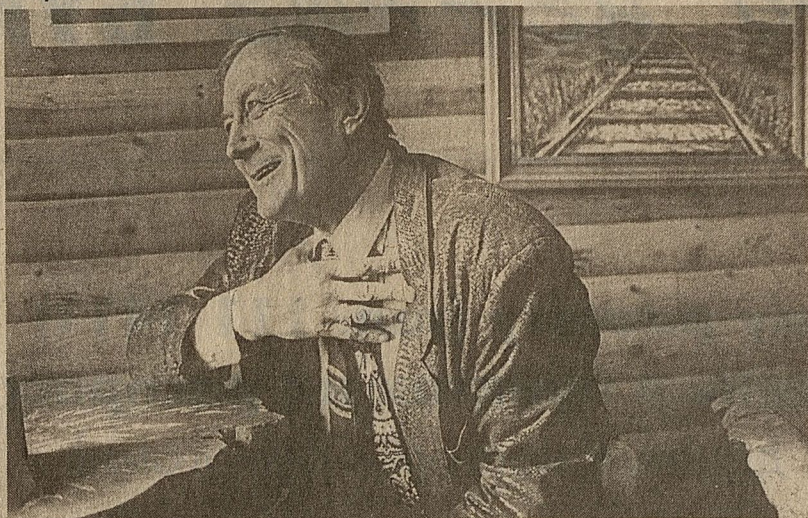
— Всегда душа человека была и остается полем битвы добра со злом. В каждом из нас есть и добро, и зло. Но добрый человек, вооруженный культурой, сильнее.

И слава Богу, это реально — повернуть человека к прекрасному, подсказать, научить, посоветовать... Я никогда не забуду один документальный фильм об Африке. В некоем племени заводят Бетховена. И вот эти грозные татуированные люди слушают, и у них текут слезы.

— Литература, безусловно, призвана сражаться на стороне добра. Но если посмотреть на подавляющую часть сегодняшней книгопродукции, зайти в книжные магазины, пролистать многие теперешние писательские поделки, создается впечатление, что литература превращается в своего рода «пятую колонну» в пресловутой борьбе.

— Здесь образуется порочный круг. Вкус нации не есть нечто застывшее, это есть нечто воспитуемое. А формируются вкусы писателями. Но потом — и издателями, и продавцами книг, и пропагандистами. Сейчас же издают книги люди — не все, но в основном — у которых у самих вкус на уровне питекантропа. Им все равно. Они хотят немедленного результата. А книга настоящая — это долгое капиталовложение. Вот посмотрите, сейчас русская литература на развалах книжных вообще не видна. В глаза бросаются чудовищные романы в чудовищных переводах. И так же мы упускаем все лучшее, что есть в западной литературе. Недавно я предположил, чтоб издали прекрасную книгу одного западного писателя, у нас, к сожалению, не известного. Спрашивают: о чем это? Я говорю: это ковбойский роман, но очень глубокий и философский. При слове «философский» у издателей вытягивались лица. Сейчас мы можем не заметить за-

Возможно, вы знаете: поэт Евгений Евтушенко написал новый роман «Не умирай прежде смерти». Название — что это? — девиз, приказ, совет или мольба? Наверно, и то, и другое. Однако легко сказать: не умирай; даже если речь идет не о физической смерти. Всегда совет не падать духом, пожелание не терять вкуса ко всему, просьба не выключаться из существования порождают простой вопрос «а как?». И особенно в наше противоречивое время, которое пытается уместить в себе освежающие — по замыслу — реформистские эксперименты и движение к нулевой отметке гражданских бодрости и уверенности. «А как?» — уж не риторический ли вопрос... Евтушенко-человек с помощью Евтушенко-автора романа дает свои ответы. Кто-то из читателей согласится с ними, кто-то ответит по-своему, кто-то вновь останется с вопросами.

Но при этом роман — не «пособие по», не «лекарство от», ибо нет в природе лекарства, делающего боль еще явственнее. В этом произведении много безысходного горя, много высокой поэзии, много пронзительной и хрупкой любви. В финале любовь побеждает. Не всепоглощающе — в масштабе одной семьи, трех судеб. И в финале же Добро и Зло заканчивают очередную раунд своей борьбы и уходят на перерыв. При небольшом преимуществе Добра. Быть может, поэтому автор подписал под названием романа: «Русская сказка».

Евгений ЕВТУШЕНКО: «ЧЕЛОВЕК ОБРЕЧЕН НА НЕСОВЕРШЕНСТВО. НО...»

мечательных прозаиков и поэтов, особенно среди молодежи.

— В вашем новом романе много прекрасных стихов. Это что, дань призванию или своего рода «сигнал тревоги» о нынешнем состоянии поэзии?

— Мне рассказывали, как один наш видный оповик-распространитель книг не хотел брать книгу стихов Искандера. Стихи, он говорит, сейчас не идут, тем более, это стихи какого-то турка. Он даже не слышал фамилии Искандера. Вот так. Кроме того, мы сейчас почти утратили традицию поэтических вечеров, встреч писателей с читателями. А ведь эту традицию мы в свое время вынесли за границу, и она прижилась и сейчас там продолжается. Я, например, этой весной выступал в городе Сан-Диего, в США. Там есть замечательный книжный магазин, его владелец — большой патриот русской литературы. Он даже русский язык выучил. На выступление пришли человек 800, это гигантское количество. И у него, у владельца, уже все готово: раскрываются двери, расставляются складные стулья и магазин превращается в маленький театр поэзии. Некоторые книжные магазины не Западе — для выживания — открывают внутри маленькие чистенькие кафе. Люди могут встретиться, познакомиться, поговорить о книгах... А в наших книжных происходит то, что запрещено во всем мире: у нас вместе с книгами продают шмотки...

В тех же Штатах Бродский сделал очень хорошее дело — привил чуть ли не агитпроповскую традицию: теперь там стены вагонов метро увешаны стихами, а во многих гостиницах рядом с Библией кладут книжечки стихов...

— У нас такое трудно представить...

— Но русский народ, который не любит свою литературу, уже перестает быть русским народом...

Автор определил жанр романа: «русская сказка». Обыкновенно, сказки заканчиваются благополучно: свадьбой либо чьим-то долгожданным счастливым возвращением.

ем. А дальше — стоп, увольте! Уж лучше пусть последняя точка повествования излучает счастье и веру в лучшее. Ведь кто знает, какие «открытия» могут объявиться за постсвадебным похмельем и какое колечко откинёт по возвращении «усталый странник».

Русская сказка Евтушенко заканчивается благополучно: судьбы персонажей и сюжетные линии сходятся — одновременно, в одной точке — у российского Белого дома в августе 91-го. Это светлые судьбы и красивые линии, поэтому финал (романа, как и финал тех событий) светел и окрашен не временно-политической, а неподдельной — наша взяла! — радостью. Но история, необратимая и неутомимая, заковыляла дальше и некоторые ее шажки, как бы за пределами сказки, штрихами успели отразиться в романе: избранники народные стремительно удаляются от тех, по чьим спинам они добрались до кормила; недавний бандит становится генеральным директором фирмы; проливается первая кровь международных разборок. Но это, повторю, в романе — штрихами.

— Евгений Александрович, не возникало ли у вас потребности продолжить роман?

— Вообще, продолжение романа — это опасно. Я не знаю, буду ли продолжать этот роман... Во всяком случае, у меня есть один образ, с которым я пока не собираюсь расставаться. Это следователь Пальчиков. Мне самому интересно, что с ним случится, как его представить дальше. Я уже вижу его в последующем развитии.

И я люблю писать о том, что происходит сейчас.

— Ваш роман закончен до октябрьских-93 событий...

— Был мне звонок из издательства. По-товарищески поинтересовались: не хочу ли я что-нибудь в романе поправить. Например, те места, где я пишу про август-91, про Руцкого, про Хасбулатова и других. Но мой роман правдив тем, что я описывал события внутри событий. И как я ви-

дел этих людей, и как они себя вели тогда, так я и написал. Это история. Все, что произошло потом, уже за гранями моего романа. Издательство согласилось не менять ни строчки. Иначе бы вкралась ложь. Когда переписываешь произведение, всегда плохо получается. Потому что уже рациональное преобладает над эмоциями, а в эмоциях больше правды, чем в разуме.

— Один из «китов» романа — политика...

— Мне хотелось понять три ключевые фигуры нашей политики за последнее время: Ельцина, Горбачева и Шеварднадзе. Этих людей я хорошо знал внутри парламента. (Я очень благодарен судьбе за то, что был внутри кишок политики, увидел многое своими глазами). У меня определенного рода симпатии к этим людям, но мне интересно: почему они именно такие; могли бы они быть другими? Это мои современники, я вижу их недостатки, их ошибки. Но я не обладаю правом высокомерия или презрения. Это не мой жанр. Просто хочу их понять.

Взять, скажем, Горбачева и Ельцина. Между ними есть разница, у них есть что-то общее. Они люди из бедных семей, знавшие большие лишения, по-своему ненавидящие бюрократию. Но в то же время они оба — партаппаратчики. И вот это противоречие в их характерах я пытался как-то раскрыть.

Но каким образом? Например, откуда я знал в точности, о чем думал Горбачев в Форосе или о чем думал Ельцин, получив секретное указание Политбюро взорвать дом Ипатьевых? Естественно, я не знал, я мог только догадаться. А как догадаться? Гипотеза может быть правдой, но для этого надо изучать психологию человека. Я мог бы взять интервью и у Горбачева, и у Ельцина, и у Шеварднадзе. Но нарочно этого не делал, потому что — по себе знаю — нам хочется выглядеть в глазах других людей лучше, в собственных — тоже. Вот, например, когда была напечатана моя «Преждевременная автобиография», моя мама нашла в ней 52 документальные ошибки... Я только спросил как-то у Горбачева, как он впервые увидел немцев. Мы иногда забываем, что он был в оккупации, а это ведь не могло не сказаться на его психологии. Или я привожу историю о том, как Шеварднадзе на его родине личный охранник не позволил напиться из родника детства... Когда я пишу об их мыслях, это, конечно, гипотезы, но у меня очень много изученного и действительно документального материала.

— Упомянул о Беловежской пуще, вы написали: «Опять истории не дали развиваться естественно». По-вашему, это развитие могло быть иным?

— Советский Союз — это была модель, которую мы до конца не опробовали. В ней имелось много плохого, но и очень много хорошего. Мощное культурное пространство, например. Все развалилось... Это была импровизация без продуманной подготовки. И мне жаль, что произошло так. Я думаю, что все равно будет воскрешение. Разумеется, не СССР в прежнем виде, но воскрешение — экономическое, культурное.

— Одно ваше стихотворение оканчивается словами: «Если будет Россия, значит, буду и я». Россия — будет?

— Я не верю во все эти апокалиптические накаркивания, что распад пойдет и дальше... Существует сейчас едкая пародия на мою песню — «Хотят ли русские взаимности?» Это печально звучит. Нельзя нам ставить себя в положение заискивающего. И, конечно, нам нужен патриотизм. Но не утробный, не звериный, а духовный. Ощущение России как части всего человечества.

Роман Е. Евтушенко «Не умирай прежде смерти» уже вызвал много откликов — самых разнообразных, но искренних. Это значит, что он будит чувства людей, обретает дыхание и укрепляется в своей жизни. А жизнь его читателей, наша с вами, причудлива и неосознаема, как музыка. Сегодня звучит новая, иная музыка, и как всегда, одни ее заказывают, а другим приходится ее слушать и двигаться под нее. Но если порой нельзя с уверенностью утверждать, что жизнь продолжается, то очевидно: она, как минимум, еще не кончается. То есть возможно еще наблюдать ее, в ней участвовать — не торопясь, не торопясь ставить на ней крест и не умирая прежде смерти. Почему нет?

Беседовал Дмитрий ОРЛОВ

Фото Ростислава ФЕДОРОВА